

минацию описываемых явлений, их место в общественном сознании и их влияние на общественное бытие и общественное сознание, чем соотносить эти явления с другими сторонами деятельности, сознания, личности отдельного человека. В этом смысле целесообразно, видимо, говорить о *национальной психологии* как об одной из частей социальной психологии (другой вопрос, что и социальная психология имеет свой развитый понятийный аппарат).

Еще одна проблема: историческая и этническая вариантность общепсихологических явлений, а также их взаимосвязь в аспекте индивида и личности. Здесь мы идем от общей психологии и, претендуя на системность анализа, заведомо теряем в его полноте, так как временно абстрагируемся, так сказать, от непосредственных социальных последствий и от путей социально-исторического генезиса исследуемых нами феноменов. Для такой области знания можно использовать термин *этнопсихология*, рассматривая ее как часть общей психологии.

А как же быть с целостностью этнопсихологии (или национальной психологии) как единой междисциплинарной области? Чтобы эта целостность была обеспечена, необходимо сначала обеспечить единство общей и социальной психологии. К этому сейчас идет дело, но до создания интегральной психологической теории, которая включала бы в себя эти две — сейчас в значительной мере разобщенные — психологические дисциплины, пока еще очень и очень далеко. А до тех пор все попытки синтезировать оба подхода к национально-психологическим явлениям, по-видимому, заранее обречены на неудачу.

С. А. Арутюнов

ОБ УСЛОВНОСТИ ПОНЯТИЯ «ЭТНОПСИХОЛОГИЯ»

Само существование нашей науки—этнографии обусловлено тем тривиальным фактом, что человечество разделено на большое число этнических групп, каждая из которых обладает своими особенностями культуры, а следовательно, и поведения. При этом, естественной для каждой группы нормой представляется свое поведение, а поведение другой группы — некоторым отклонением от нормы. Японец улыбается, общая неприятное известие, а индеец, наоборот, при этом хмурится. Поведение японца покажется странным индийцу, но не менее странным покажется и поведение индийца японцу. Допустим, что есть этносы, представители соответствующих слоев которых более предрасположены, например, к коммерции, чем представители аналогичных слоев других этносов. Но как избежать этноцентризма? От какой точки отсчитывать «больше» или «меньше», если не от самих себя?

Психологию индивидов или даже психологию отдельных групп внутри этноса мы можем изучать в сравнении, сопоставлять между собой. Ведь эти индивиды и группы существуют в одной и той же природной и социальной среде, стоят перед сходными проблемами общеэтнического или (что, по сути дела, то же самое) общенационального масштаба. И если они на один и тот же вызов этой среды, на одну и ту же стереотипную, ситуацию реагируют по-разному, в этом, помимо всего прочего, проявляется и их различная психология.

Но этносы — не индивиды. Каждый этнос имеет свою собственную среду обитания, свою территорию, свои конкретно-исторические условия, свое особое окружение. Даже в полиэтническом обществе, как, например, малайзийское, каждый этнос имеет свою более или менее специфичную социальную «экологическую нишу» — малайцы одну, китайцы другую, индийцы третью. Следовательно, они реагируют по-разному

не на один и тот же вызов, одну и ту же проблему, а на разные: каждый — на свою.

Различие этносов есть различие культур. Культура же, несомненно, и это широко признано в отечественной культурологии, есть универсальный механизм адаптации общества к природной и социальной среде своего существования. И специфическая этническая психология, следовательно, если только мы не хотим скатиться на расистские позиции и считать ее генетически обусловленной, есть не что иное, как производное от культуры, и даже часть этой культуры: она представляет собой один из частных механизмов адаптации общественного человека и этноса в целом к своей среде.

Нередко приходится встречать утверждение, например, что японцам свойственна повышенная вежливость, учтивость, предупредительность. Это действительно справедливо, когда встречаются хотя бы минимально знакомые люди или когда незнакомые люди обстоятельствами поставлены в межличностный контакт. Однако в безличностном контакте, например, в общественном транспорте, те же японцы проявляют, казалось бы, парадоксальную неучтивость и невнимание к окружающим. На самом деле и то, и другое проистекает из общей, характерной для японской культуры (и психологии) концепции «он гири» (одолжения-задолженности), по-разному действующей в разных условиях. Сама же эта концепция вытекает из специфики структуры социальных отношений в Японии и может рассматриваться как адаптивная по отношению к этой структуре.

В культуре (и психологии) этноса, наряду с некоторыми фундаментальными, весьма стабильными чертами (для японцев одной из таких черт является, например, шумовая и моторная сдержанность, воспитываемая на ранних этапах социализации), есть множество весьма лабильных черт. Можно привести немало примеров, когда вслед за изменением социально-экономической обстановки быстро адаптируются и меняются некоторые, казавшиеся едва ли не основными, психологические характеристики этноса. На уровне индивида такие изменения могут произойти за какие-нибудь два-три года. Например, в современной Японии всерьез ставится вопрос о создании курсов «реабилитации» или «реэтнонизации» для тех японцев, которые по долгу службы провели несколько лет за пределами Японии, в Европе или Америке. Считается, и видимо, не без основания, что они за это время настолько отыкались от японского образа жизни, что по возвращении уже не могут себя вести «по-японски»; иными словами, теряют способность к общепринятым в Японии поведенческим реакциям на типовые жизненные ситуации.

Таким образом, как мне представляется, изучение этнопсихологии есть задача более этнографическая, нежели психологическая. Задача эта состоит в том, чтобы определить, каковы условия жизни того или иного этноса, и каким путем, вырабатывают у его представителей определенные поведенческие реакции на определенные житейские ситуации. При чем ситуации имеются в виду не общечеловеческие, а характерные именно для условий жизни (природных и социальных) данного этноса. Конечно, рождение ребенка или смерть близкого родственника суть общечеловеческие ситуации; однако пол ребенка, то, какой он по счету, возраст родителей и другие обстоятельства образуют в каждом случае свой рисунок обстоятельств, по-разному оцениваемый и воспринимаемый в разных культурах. Понятие относительной близости родственника также различно в разных культурах по отношению к различным номенклатурам родства.

В лучшем случае результатом исследования будет относительно высокий уровень предсказуемости поведения представителей данного этноса в типовых для него ситуациях; однако это еще не обеспечит предсказуемости поведения тех же людей в иноэтническом окружении, в ситуациях, для них непривычных и нестандартных. Разумеется, на эмпирическом, житейском уровне все люди, а отнюдь не только профессиональные этнографы, нередко занимаются подобным прогнозированием; возмож-

но, что это прогнозирование оказывается верным примерно в 50% случаев, но чтобы узнать, так ли это на самом деле, необходимы специальные исследования. Тем более они необходимы для поднятия самого прогнозирования с эмпирического уровня на уровень научной обоснованности. Однако представляется, что в выработке концептуальных предпосылок таких исследований, не говоря уже об их конкретной методике, этнопсихология не только в нашей стране, но и во всем мире в целом делает лишь первые шаги.

И. М. Кузнецов

ОБ ОБЫДЕННЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ

В статье А. Ф. Дашдамирова и в выступлениях участников «круглого стола» ставились преимущественно некоторые психологические проблемы в свете этнографической науки. Видимо, полезно будет предложить для обсуждения сюжет, непосредственно связанный с исследованием этнических культур, но под углом зрения понятий социальной психологии.

Однако вначале хотелось бы сказать несколько слов о сложившихся взглядах на этнопсихологическую проблематику в целом. Здесь нельзя не согласиться с мнением И. С. Кона о том, что исследование в новой области должно либо основываться на четком определении этой новой области, либо на выделении тех вопросов, которые необходимо решать. Имеющийся опыт определения и изучения «национального характера» показывает, что первый из названных подходов к исследованию не свободен от ошибок, по крайней мере логических. В самом деле, одним из существенных, если не главным, стимулом для развития этнопсихологических исследований служат существующие в области обыденного сознания представления о том, что члены разных этнических групп отличаются друг от друга психологически: по темпераменту, способностям, чертам характера. Здесь важно отметить, что такие представления (как, впрочем, и многие другие суждения, исходящие из обыденного опыта) не столько описывают какие-то непосредственно наблюдаемые особенности поведения людей, принадлежащих к разным этническим группам, сколько дают уже готовое объяснение этим особенностям. Поведение отдельного человека принято объяснять наличием или отсутствием у него определенных личностных качеств и способностей. Эта привычная схема и применяется для объяснения особенностей поведения «иностранцев». И здесь, мне кажется, некоторые исследователи пошли на поводу у «здорового смысла», приняв без дальнейших доказательств, что этнические особенности в поведении обусловлены именно особой психологией. Иначе говоря, за исходный пункт берется словосочетание «национальный характер» в его повседневном, общеупотребительном (преимущественно личностном) значении; в научном обиходе это значение постепенно и незаметно замещается научным психологическим понятием «характер» и, исходя из структуры этого понятия, выделяется объект исследования — «национальный характер». Таким образом, если не в целом, то во многих своих аспектах определение объекта исследования основывается не на научной проверке распространенных представлений (тех же межэтнических стереотипов), а на имплицитном принятии этих представлений в качестве объективного научного факта. И поэтому не случайно результат такого рода исследований, как отмечал Т. Шибутани, «несмотря на наукообразные формы... во многом подобен респектабельному межэтническому стереотипу»*.

¹ Шибутани Т. Социальная психология. М: Прогресс. 1969, с. 447.